

УДК 342.56

ПЕРВЫЕ ИТОГИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КАССАЦИОННЫЕ СУДЫ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ, ПРАКТИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ»

© 2025 г. М. С. Матейкович^{1, 2}

¹Второй кассационный суд общей юрисдикции, г. Москва

²Тюменский государственный университет

E-mail: 2kas@sudrf.ru

Поступила в редакцию 22.11.2024 г.

Аннотация. В статье представлен анализ результатов Всероссийской научно-практической конференции «Кассационные суды общей юрисдикции: первые итоги, практика, перспективы», в которой обобщены предварительные результаты судебной реформы, начатой в 2018 г. по инициативе Верховного Суда РФ. В соответствии с Федеральным конституционным законом от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ были внесены серьезные изменения в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы, созданы кассационные суды общей юрисдикции и апелляционные суды общей юрисдикции. На основании постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 сентября 2019 г. № 30 «О дне начала деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, Центрального окружного военного суда» с 1 октября 2019 г. кассационные суды общей юрисдикции приступили к работе.

Пять лет с момента начала деятельности кассационных судов – срок небольшой. Однако он вместил в себя сложный период становления с тысячным потоком жалоб еженедельно, пандемию коронавирусной инфекции COVID-19, в период которой московская кассация ни на один день не прекращала работу, вхождение в состав Российской Федерации четырех новых субъектов – Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей. Накоплен уникальный опыт, вступили в силу важнейшие постановления Пленума Верховного Суда РФ, менялась и совершенствовалась судебная практика, стали очевидны отдельные пробелы и дефекты в правовом регулировании.

В этой связи возникла необходимость оценить результаты реформы, обменяться мнениями по актуальным вопросам материального и процессуального права, совместно – судейскому сообществу и ведущим ученым-правоведам – выявить острейшие проблемы правоприменения и предложить пути их решения.

Ключевые слова: Конституция РФ, закон, судебная реформа, Верховный Суд РФ, суды общей юрисдикции, кассация, справедливость правосудия, судебные ошибки.

Цитирование: Матейкович М. С. Первые итоги судебной реформы. Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Кассационные суды общей юрисдикции: первые итоги, практика, перспективы» // Государство и право. 2025. № 2. С. 179–188.

DOI: 10.31857/S1026945225020188

THE FIRST RESULTS OF THE JUDICIAL REFORM

REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “CASSATION COURTS OF GENERAL JURISDICTION: FIRST RESULTS, PRACTICE, PROSPECTS”

© 2025 M. S. Mateykovich^{1, 2}

¹Second Cassation Court of General Jurisdiction, Moscow

²Tyumen State University

E-mail: 2kas@sudrf.ru

Received 22.11.2024

Abstract. The article presents an analysis of the results of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Cassation Courts of General Jurisdiction: first results, practice, prospects”, which summarizes preliminary results of the judicial reform initiated in 2018 by the Supreme Court of the Russian Federation. In accordance with the Federal Constitutional Law, serious changes were made to the Federal Constitutional Law “On the Judicial System of the Russian Federation” and certain federal constitutional laws, cassation courts of general jurisdiction and courts of appeal of general jurisdiction were created. On the basis of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, on October 1, 2019, the cassation courts of general jurisdiction began their work.

Five years from the beginning of the activity of the cassation courts is a short period. However, it contained a difficult period of formation with a thousand complaints a week, the COVID-19 pandemic, during which the Moscow cassation did not stop working for a single day, the entry into the Russian Federation of four new subjects – the Donetsk and Lugansk People’s Republics, Zaporizhia and Kherson regions. Unique experience has been accumulated, the most important decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation have come into force, judicial practice has changed and improved, certain gaps and defects in legal regulation have become apparent.

In this regard, it became necessary to evaluate the results of the reform, exchange views on topical issues of substantive and procedural law, jointly – the judicial community and leading legal scholars – identify the most acute problems of law enforcement and propose ways to solve them.

Key words: Constitution of the Russian Federation, law, judicial reform, Supreme Court of the Russian Federation, courts of general jurisdiction, cassation, justice of justice, judicial errors.

For citation: *Mateykovich, M.S. (2025). The first results of the judicial reform review of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Cassation courts of general jurisdiction: first results, practice, prospects” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 179–188.*

3 октября 2024 г. в г. Москве прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Кассационные суды общей юрисдикции: первые итоги, практика, перспективы», которая совпала по времени с пятилетней годовщиной со дня начала деятельности в Российской Федерации кассационных судов общей юрисдикции.

Форум принял более 250 участников из столицы страны, других городов московского кассационного округа – Иваново, Владимира, Рязани, Смоленска, Тамбова, Херсона, Запорожья, Донецка, Луганска, а также делегацию ученых Юго-Западного государственного университета (Курск). Тематика докладов имела междисциплинарный характер и охватывала все отрасли права, с которыми сталкиваются суды общей юрисдикции в своей правоприменительной деятельности.

Во вступительном слове А.В. Бондар, председатель Второго кассационного суда общей юрисдикции, канд. юрид. наук, заслуженный юрист РФ, отметил, что масштабная судебная

реформа, начатая пять лет назад по инициативе Верховного Суда РФ, позволила создать новое мощное звено отечественной системы – кассационные суды общей юрисдикции. Работая по экстерриториальному принципу, рассматривая большинство дел в порядке «сплошной» кассации, без их предварительной проверки на предмет возможности передачи в судебное заседание, кассационные суды эффективно исправляют судебные ошибки, восстанавливают кассационные права и свободы граждан, реализуют общеправовой принцип гуманизма как в отношении осужденных, так и потерпевших. Тем самым укрепляются авторитет судебной власти, вера граждан в справедливость правосудия.

О масштабе и значимости первой пятилетки свидетельствуют несколько скупых чисел. За прошедшие пять лет в столичную кассацию поступила 471 тыс. жалоб, представлений и дел, то есть около двух тысяч дел и жалоб регистрируется в неделю. По результатам рассмотрения жалоб и представлений отменяется либо изменяется около 15–17% проверяемых решений. Это значительно,

кратно больше показателей президиумов краевых, областных и приравненных к ним судов, выполнявших функцию кассационной инстанции до 2019 г. Однако отмена или изменение судебного решения – это не самоцель. Главное – увидеть существенное нарушение, явную ошибку, ведь за ней стоит чья-то судьба. Иногда об этих ошибках не знает даже сам автор жалобы, но судьи вправе и обязаны проверить дело в полном объеме, выявить нарушения, о которых заявитель может и не догадываться.

Работа кассационного суда не прекращалась даже в период пандемии COVID-19, поскольку значительная часть дел и материалов требует незамедлительного рассмотрения, связана с ограничением важнейших конституционных прав и свобод граждан.

В 2022 г. в московский кассационный округ включены Донецкая и Луганская народные республики, Запорожская и Херсонская области. Это свидетельствует о высоком доверии к судьям Второго кассационного суда общей юрисдикции со стороны как Верховного Суда РФ, так и руководства страны в лице Президента РФ. В то же время это колоссальная ответственность за своевременное и качественное рассмотрение поступающих жалоб и представлений, скорейшую интеграцию исторических территорий в отечественную правовую систему. Число жалоб, поступающих из вошедших в состав России субъектов, растет. Прежними остаются мужество, профессионализм судей, работающих в зоне Специальной военной операции, которые успешно справляются с задачей четкого и неукоснительного применения российских законов на исторических российских территориях, несмотря на колоссальную нагрузку, обстрелы, сложные условия работы.

В завершение А.В. Бондар предложил конференцию считать открытой, пригласил участников конференции к содержательной, плодотворной дискуссии.

Приветствия в адрес участников конференции направили А.А. Клишас, Председатель Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по конституционному законодательству и государственному строительству, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, ректоры ведущих российских вузов.

С приветственными словами к участникам конференции обратились Ю.П. Москаленко – председатель судебного состава по семейным делам и делам о защите прав детей Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, К.И. Могилевский – заместитель Министра науки и высшего образования РФ, канд. ист. наук, проф.

Конференция проходила в формате пленарного заседания с двумя базовыми докладами, вокруг которых во многом строилось дальнейшее обсуждение. Рабочую часть пленарного заседания открыл С.В. Кабышев, Председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ, канд. юрид. наук, заслуженный юрист РФ, с установочным докладом по теме «Принцип справедливости правосудия и его обеспечение в современных условиях».

Докладчик отметил, что судебная реформа в России изменила судебную систему и укрепила гарантии справедливого правосудия. Главная задача реформы – укрепление гарантий справедливого правосудия и в конечном счете – адекватный ответ на существовавший и существующий по-прежнему в обществе запрос на справедливость.

Конституция России, раскрывая в преамбуле ценностные основания конституционного правопорядка, утверждает взаимосвязь почитания памяти предков, передавших нам

любовь и уважение к Отечеству, с верой в добро и справедливость. В этом положении заключается смысл правового патриотизма, который, по мнению автора, состоит в отправлении правового идеала суверенной государственности, чтобы государство, держась справедливости, служило интересам граждан. Благодаря поправкам в Конституцию России, внесенным по результатам Всенародного голосования 3 июля 2020 года, конституционные формально-юридические основания справедливости расширены и конкретизированы. В частности, справедливость отнесена к числу важнейших принципов пенсионного обеспечения граждан.

С точки зрения идеального справедливость находится в основе социальной солидарности, политического устройства общества, тенденции гуманизации права. Она же остается при этом моральной, этической, философской категорией. Общий, межотраслевой характер справедливости предполагает специфические формы проявления, реализации этого принципа с учетом особенностей правоотношений (например, требование справедливости наказания в уголовном праве, законность и справедливость как принципы рассмотрения и разрешения административных дел, справедливость в сочетании с разумностью и добросовестностью как императив гражданского оборота).

В практике Конституционного Суда РФ категория справедливости последовательно раскрывается в качестве универсального принципа, сочетающего в себе материально-правовые, процессуальные и институциональные начала, и одновременно методологической основы и критерия для интерпретационной, судебной-юрисдикционной и нормоконтрольной деятельности. Докладчик особо отметил, что именно справедливость предопределяет судебское усмотрение, необходимое для вынесения законного и обоснованного решения, включая его научно-экспертную обоснованность, поскольку для преодоления внутренних сомнений и формирования убежденности по делу судья нередко должен прибегать к получению специальных знаний и самостоятельно давать оценку представленным суждениям и выводам в их юридической сущности. Связь справедливости и судебского усмотрения имеет также глубокие этические основания, поскольку право как таковое не должно поощрять безнравственность и применяться в значениях, способствующих социальным порокам и деструктивному поведению.

С.В. Кабышев подчеркнул, что справедливость, выражая идеальное притязание всего человечества, в своих непосредственных социально-регулирующих проявлениях всегда национально конкретна. Каждый правопорядок определяет, формализует справедливость, в том числе как меру и предел свободы, по-своему с учетом исторических и социокультурных ценностей и традиций. В этом плане важно иметь в виду, что суверенитет государства является, по существу, политико-правовым выражением справедливости, а его реализация через юрисдикционную деятельность судебной власти, через институты правосудия обеспечивает надлежащий баланс интересов, который не может произвольно отвергаться никаким наднациональным органом.

Докладчик обратил внимание на то, что состоявшиеся преобразования в отношении условий доступа к конституционному правосудию, предполагающие необходимость предварительного исчерпания других внутрисудебных средств судебной защиты, существенным образом повышают ответственность ординарных судов в сфере защиты прав граждан, усиливают совокупный правозащитный потенциал национального правосудия.

В завершение доклада были названы меры по обеспечению справедливости правосудия, которые, по убеждению С.В. Кабышева, представляются наиболее важными в современных условиях: формирование с участием научного, экспертного сообщества четкой системы стандартов доказывания по разным категориям дел; равный доступ к эффективному правосудию; обеспечение уважения к вступившему в законную силу судебному решению; исключение волокиты при производстве по делу; пополнение судебной системы вдумчивыми, хорошо подготовленными, честными молодыми людьми, обладающими высокими профессиональными и моральными качествами, повышение престижа работы в судебной системе, прежде всего в аппарате суда, активное привлечение действующих судей и судей в отставке к образовательному процессу, поддержка судебных династий.

Тему выхода Российской Федерации из Совета Европы и связанных с этим юрисдикционных последствий, субсидиарности любых наднациональных институтов по отношению к отечественной судебной власти в рамках *второго установочного доклада — открытой лекции «Международное право в многополярном мире: новые реалии»* развил А.Х. Абашидзе, зав. кафедрой международного права РУДН им. Патриса Лумумбы, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ. Он оспорил послы ряда экспертов российских телеканалов о том, что международного права больше не существует. Юристы-международники все время сталкивались с нигилистическим подходом к международному праву, который повторяется во время кризиса международных отношений, не раз приводящим в истории человечества к вооруженным конфликтам регионального и глобального уровня. Все эти конфликты заканчивались миром и закреплялись мирными договорами, т.е. при помощи международного права.

Международное право является продуктом взаимодействия государств. Его следует отнести к общим ценностям человечества, от которого не то, что не следует отказываться, а наоборот необходимо гордиться. Международное право как социальное явление есть не что иное, как система юридических принципов и норм, регулирующих международные отношения.

Международное право, как и право в целом, выполняет функции, которые многообразны и могут быть усложнены по мере роста значения стоящих перед международным правом задач. Оно призвано удовлетворять потребности международной системы, где основной является потребность в самосохранении человечества, особенно в условиях наличия ядерного оружия у государств. Поэтому главная социальная функция международного права состоит в упрочнении существующей международной системы, в обеспечении ее функционирования.

Вопрос об эффективности международного права возник после прекращения существования СССР, когда США и Великобритания решили отказаться от всего того, что мешает их мировой гегемонии: от обязательств по Уставу ООН, по СБСЕ/ОБСЕ, по двусторонним с СССР договорам по ПВО, открытому небу, правам человека. Последствиями односторонних действий деструктивного характера стали выход в одностороннем порядке из Договора об ограничении систем противоракетной обороны, дискредитация ООН, ее структур и злоупотребление полномочиями некоторых специализированных учреждений системы ООН и международных организаций. Осуществляется попытка заменить международное право на порядок,

основанный на установленных Англией и США в одностороннем порядке правилах.

Усилиями англосаксов дискредитированы наднациональные институты, которые в результате уже не могут претендовать на роль арбитров между государствами и гражданами, недовольными решениями национальных судов. Так, на выборах в Совет ООН по правам человека 9 октября 2024 г. на 18 вакантных мест претендовало всего 19 государств, номинированных в рамках регионального представительства, то есть желающие принять участие в конкурсе, как это было в недалеком прошлом, отсутствовали.

У автора нет никаких сомнений в том, что международная система требует коренной реструктуризации, особенно в этом нуждаются финансовые институты, которые должны быть в качестве источников развития, а не средствами политики неокolonизма. Всего этого можно добиться при наличии политической воли ведущих держав мира, на основе международного права и при соблюдении такого основополагающего принципа международного права, как добровольное выполнение международных обязательств (*pacta sunt servanda*).

С совместным докладом на тему «О значении кассационных судов в судебной системе России» выступили А.И. Рарог, руководитель научно-образовательного центра применения уголовного права МГЮУ им. О.Е. Кутафина, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, и Т.Г. Понятовская, профессор кафедры уголовного права МГЮУ им. О.Е. Кутафина, д-р юрид. наук, проф. Они особо обратили внимание на право обвиняемого на защиту — принцип российского правосудия, вытекающий из конституционного права человека на судебную защиту (ч. 2 ст. 45, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ). Именно во взаимосвязи с этим правом они предложили рассматривать проблему создания, работы и совершенствования деятельности кассационных судов.

В уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР третья инстанция была экстраординарной: на ее рассмотрение дело попадало только при наличии надзорного протеста компетентного прокурора или председателя суда (либо их заместителей). Жалоба осужденного в надзорную инстанцию не была жалобой в собственном смысле, поскольку не являлась основанием для пересмотра дела, скорее это было обращенное к полномочному прокурору или председателю суда ходатайство о принесении в порядке надзора протеста на вступивший в силу приговор суда первой инстанции. На подавляющее большинство таких жалоб их авторы получали ответы, что оснований для принесения протеста не усматривается. Иной результат был исключением из правила.

Установленный в настоящее время порядок обжалования, по мнению докладчиков, полнее, чем ранее, обеспечивает реализацию права осужденного на защиту, поскольку у него появились дополнительные возможности обжаловать приговор суда первой инстанции. Шагом в развитии российской системы уголовного судопроизводства стало создание апелляционных и кассационных судов, встреченное большинством ученых с одобрением и воодушевлением.

В результате реформы приведен в соответствие со ст. 126 Конституции РФ статус Верховного Суда РФ, который в значительной мере освободился от апелляционной, кассационной функций и, сохранив надзорную функцию, может сосредоточиться на конституционной обязанности обеспечивать единообразие судебной практики в форме постановлений Пленума и утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ обзоров, т.е. вести сложную

и трудоемкую работу статистического, аналитического и экспертно-оценочного характера. Произошел также отказ от сочетания разных функций в одном судебном органе, которое способствовало формированию отношений корпоративной солидарности и взаимного влияния, способных оказать отрицательное воздействие на объективность выносимых судебных решений. Реформа означает уход от региональной схемы построения судебной системы, привязанной к административно-территориальной структуре Российской Федерации. А это исключает зависимость судов от органов, организаций и должностных лиц субъектов Российской Федерации, а также препятствует вовлечению судей в отношения кумовства и протекционизма в регионе.

Естественным результатом реформы апелляционной и кассационной инстанций стало повышение качества соответствующих судебных решений, в том числе — их обоснованности, поскольку накопление опыта судейской работы на апелляционном или кассационном уровне расширяет кругозор судьи именно с учетом всех особенностей и нюансов данной стадии. В дальнейшем повышении качества кассационных судебных решений могли бы сыграть позитивную роль специализация судей по отдельным категориям дел, а также курсы повышения квалификации с привлечением известных ученых и наиболее опытных судей кассационных судов.

Посыл С. В. Кабышева на создание дополнительных гарантий справедливости правосудия через подготовку квалифицированных добросовестных честных судейских кадров развил **В. В. Николок, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ**, предложив обратить внимание на рассмотрение понятия и содержания концепции судебного права. Указанное научное направление объединило ученых в области гражданского, административного и уголовно-процессуального права, поддержавших данный проект, обосновывающих принципиально новый подход к преподаванию в университетах процессуальных отраслей права.

Соответствующие доктринальные наработки, пусть и предварительные, но приведенные в определенную систему, на базе которых и стала развиваться в начале XX в. теория судебного права, — результат усилий многих ученых-процессуалистов, подчинивших свои научные интересы исследованию проблем судебного права, и в первую очередь проф. И. В. Михайловского. В последующие годы концепция судебного права прошла сложный путь с серьезными издержками, с 1920 г. подверглась полувековому забвению.

Сегодня наблюдается гиперактивное внимание к концепции судебного права представителей всех процессуальных отраслевых наук, общей теории государства и права, конституционного права. С одной стороны, происходит размывание предмета судебного права, рамки которого определялись более 100 лет назад. С другой — в нем концентрируются специальные вопросы, имеющие большое значение для формирования и развития единого правового регулирования в области правосудия.

Благодаря рождению, сохранению и в конечном счете концептуализации судебного права — одной из самых разносторонних и многоаспектных теорий, затрагивающей институциональные элементы гражданского, административного, арбитражного, уголовного судопроизводства и судостроительства, — в настоящее время продолжают или иницируются новые интересные и перспективные исследования феномена «судебное право», позиционируемого как ядра процессуальных отраслей, позволяющие в том числе

приблизить уголовный процесс к другим процессуальным отраслям в части удачно нормативно закрепленных в них универсальных судебных институтов.

С. А. Сеницын, заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, д-р юрид. наук, проф., отметил, что с учреждением и началом функционирования кассационных судов кассация получила новое содержание и структурное выражение в судебной системе. Несомненно, повысилось качество и доступность правосудия: об этом свидетельствует статистика пересмотра, отмены надлежущей правовой квалификации правоотношений в кассационных судах, исправление допущенных судами нижестоящих инстанций судебных ошибок, тысячам граждан оказана юридическая помощь в защите их прав и законных интересов в жизненно важных и социально острых сферах (взыскание кредиторских задолженностей, жилищные споры, споры о защите прав потребителей, семейные споры).

Кассационные суды общей юрисдикции — продукт развития российской правовой системы, не повторяющий опыт зарубежных стран. Это хорошо видно при анализе полномочий судов кассационной инстанции. Исторически во Франции кассация ориентирована на обеспечение единства и стабильности правоприменения (суд может только отменить принятые судебные акты, но не рассмотреть заново по правилам первой инстанции). В Германии назначение кассации связывалось с обеспечением справедливых решений (суд кассационной инстанции может отменить и принять новое решение по делу). И то и другое — не для всех судебных решений, а стало быть, права заявителей гарантированы выборочно и эпизодически. В России реализована концепция сплошной кассации — это, безусловно, новые возможности и гарантии для участников споров, это новая точка опоры и залог стабильности судебной системы. Последовательный доступ к кассационным инстанциям в гражданском судопроизводстве гарантирован всем заинтересованным лицам.

По мнению докладчика, кассация в российском гражданском судопроизводстве выполняет несколько взаимосвязанных, а не автономных друг от друга задач: 1) формирование единства правоприменительной практики на уровне кассационных судов и для нижестоящих — стабильность правоприменительной практики; 2) обеспечение гарантированного доступа к правосудию лиц, считающих, что их права и законные интересы нарушены обжалуемыми судебными актами; 3) контроль за законностью, т.е. за правильным применением и норм материального и процессуального права.

В отношении дискуссий о полезности двух кассаций в российском гражданском процессе автор предложил учитывать различные цели и функционал каждой из них. Если первая кассация сосредоточена на контроле правильного применения норм материального и процессуального права, то вторая кассация обеспечивает публичный интерес — единство правоприменительной практики и унификацию судебного-правовых позиций, формирование и обеспечение единых подходов правоприменения при толковании норм материального и процессуального права.

В конце доклада С. А. Сеницыну, вошедшему в новый состав Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, был задан вопрос: в чем он видит основную задачу гражданского законодательства на современном этапе? Ответ был следующим: стать подлинно гражданским, «переключиться» с правового регулирования интересов бизнеса к нуждам

простых людей в их эффективной защите от злоупотреблений со стороны банков, ЖКХ, застройщиков и т.д., создавать непреодолимые юридические препятствия для мошеннических действий. Зал отреагировал бурными аплодисментами.

А.Г. Халиулин, зав. кафедрой Университета прокуратуры РФ, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, посвятил свой доклад реализации конституционного права на пересмотр приговора вышестоящим судом в деятельности кассационных судов общей юрисдикции. Положительно оценив первый опыт создания кассационных судов, он предложил отказаться от гипертрофированного понимания состязательности процесса и дополнить существующие процедуры советской практикой пересмотра приговоров, который был вправе инициировать председатель вышестоящего суда. В частности, такой порядок позволял судьям проявлять инициативу в пересмотре собственных решений (в основном по гражданским делам), вступивших в законную силу, обращаясь к председателю вышестоящего суда.

С учетом того, что прокурор участвует в судопроизводстве как представитель государства, действующий в интересах законности, А.Г. Халиулин предложил заимствовать опыт Республики Беларусь, где протесты прокурора (и председателя вышестоящего суда) поступают непосредственно на рассмотрение суда кассационной (надзорной) инстанции, без вынесения предварительного постановления судьбы о передаче на рассмотрение суда. В Российской Федерации представления прокурора подлежат обязательному рассмотрению в судебном заседании только в порядке сплошной кассации.

По мнению докладчика, заслуживает внимания и вопрос о том, чтобы разграничить «поворот к худшему» и исправление явных судебных ошибок, выразившихся в неправильном применении положений законодательства. Так, имеют место ситуации, когда судья суда первой инстанции, постановив приговор, не присоединил назначенное осужденному по предыдущему приговору неисполненное наказание в виде штрафа, не назначил являющееся обязательным дополнительное наказание, назначил более мягкий, чем предусмотрено законом, вид режима исправительного учреждения для отбывания наказания в виде лишения свободы. Во всех этих случаях «улучшение» положения осужденного произошло в результате существенного нарушения судом первой инстанции закона, искажающего саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. Однако суд кассационной инстанции не вправе, установив эти обстоятельства, изменить приговор даже при наличии представления прокурора или жалобы потерпевшего. Дело подлежит направлению на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, а если оно не рассматривалось в апелляционном порядке — в суд первой инстанции, несмотря на то что допущенная при постановлении приговора судебная ошибка является совершенно очевидной и не требуется повторное исследование доказательств и оценка фактических обстоятельств дела.

Б.Я. Гаврилов, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, д-р юрид. наук, проф., обратил внимание на низкую эффективность уголовно-процессуальных институтов досудебного уголовного производства. Отчасти это связано с нестабильностью Уголовно-процессуального кодекса РФ, в который с момента его принятия внесены изменения более чем тремя сотнями федеральных законов.

Одна из проблем уголовно-процессуального законодательства, по мнению автора, состоит в несовершенстве института процессуальных сроков современным реалиям. Так, сегодня с превышением установленных сроков завершается около 40% уголовных дел, расследованных в форме предварительного следствия, и третья часть дел, расследованных в форме дознания. Он отметил, что действующая редакция ч. 1 ст. 162 УПК РФ воспроизводит аналогичное положение ст. 119 УПК РСФСР 1922 г., притом что по значительному количеству уголовных дел уровень их сложности сегодня многократно выше, чем 100 лет тому назад.

Еще более одиозная ситуация сложилась с первоначальным сроком содержания обвиняемого под стражей (два месяца), который нереален в силу продолжительности входящих в него обязательных процессуальных действий (ч. 1 и ч. 1¹ ст. 221, ч. 1 ст. 227 УПК РФ). Для сравнения: в европейских государствах этот срок составляет от 120 до 180 суток.

По убеждению докладчика, назрела необходимость исключения из Уголовно-процессуального кодекса РФ института привлечения лица в качестве обвиняемого, поскольку фактически отсутствуют различия в правовом положении подозреваемого (ст. 46) и обвиняемого (ст. 47), кроме этапа окончания уголовного дела, отсутствие обвинения не препятствует ежегодной передаче в суд порядка 5 млн уголовных дел, расследованных в форме дознания, а изменение обвинения в суде, даже в тяжкую сторону, является обычной практикой для большинства государств. Автор также предложил вернуть в отечественный уголовный процесс протокольную форму расследования, что позволило бы упростить досудебное производство по 250–300 тыс. уголовных дел о преступлениях небольшой тяжести. По мнению Б.Я. Гаврилова, крайне актуальной остается и тема исключения из Уголовно-процессуального кодекса РФ стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой существенно искажает реальную картину преступности.

А.В. Наумов, главный научный сотрудник Университета прокуратуры РФ, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, посвятил свой доклад проблеме ведомственной судебной экспертизы как источнику доказательств в уголовном процессе. Такие экспертизы способствуют не только качественному, но и своевременному расследованию преступлений. Однако не вполне корректно утверждать, что экспертизы всегда соответствуют принципам уголовного судопроизводства на судебной стадии производства по делу. Особенно ярко это проявляется при анализе заключений ведомственных, т.е. осуществляемых «своим» ведомством, судебных экспертиз. С точки зрения автора, использование ведомственных экспертиз при постановлении обвинительного приговора нарушает принцип состязательности сторон, снижает эффективность уголовной политики в сфере противодействия правоприменительных органов опасным преступлениям, в том числе коррупции, терроризму и экстремизму.

О.В. Брежнев, профессор кафедры административного права МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф., затронул актуальную проблему соотношения и взаимосвязи оспаривания нормативных правовых актов в порядке конституционного и административного судопроизводства — универсальной гарантии реализации всех иных прав и свобод человека и гражданина. Докладчик полагает, что назрело принятие федерального закона, регламентирующего понятие, виды и порядок издания нормативных правовых актов.

Он также отметил, что объекты судебного нормоконтроля при осуществлении конституционного

и административного судопроизводства частично совпадают. С одной стороны, Верховный Суд РФ и суды общей юрисдикции, осуществляя нормоконтроль, для обеспечения всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела исходят из конституционных норм, определяющих статус соответствующего органа, а также разграничение предметов ведения и полномочий между различными уровнями публичной власти. Таким образом, эти суды в известной мере осуществляют и конституционный нормоконтроль. С другой стороны, нередко в нормах текущего законодательства раскрывается содержание тех или иных конституционных положений, что не может не учитываться Конституционным Судом РФ при формулировании им своих правовых позиций. Следовательно, разграничение критериев судебной проверки нормативных правовых актов в известной степени условно.

Более существенны различия в условиях допустимости обращения: в порядке конституционного судопроизводства оно сопряжено с необходимостью соблюдения целого ряда специальных требований, что соответствует правовой природе жалобы в Конституционный Суд РФ как экстраординарного средства защиты прав и свобод граждан. В административном судопроизводстве столь жестких условий нет.

По мнению докладчика, не менее важным основанием разграничения являются последствия решений, принимаемых в рамках конституционного и административного нормоконтроля. Если признание акта неконституционным означает окончательную утрату им юридической силы, то решение суда в рамках административного судопроизводства означает лишь предварительную дисквалификацию акта, означающую невозможность его применения, но не исключающую дальнейшего оспаривания уже в Конституционном Суде РФ.

М.С. Матейкович, заместитель председателя Второго кассационного суда общей юрисдикции, д-р юрид. наук, проф., указал на колоссальную роль правовых позиций Верховного Суда РФ в формировании практики кассационных судов по уголовным делам. Лейтмотивом этих позиций выступает реализация принципов равенства и справедливости, правовой определенности, гуманизма в отношении обвиняемых и потерпевших. Постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам, его обзоры судебной практики в короткие сроки разрешили сложнейшие вопросы правоприменения: о критериях малозначительности деяния; об изменении категории преступления; о замене лишения свободы принудительными работами; о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, в связи с примирением, деятельном раскаянием; об отсрочке отбывания наказания. Задача кассационных судов общей юрисдикции — внимательно изучать практику Верховного Суда РФ, правильно применять его правовые позиции при исправлении судебных ошибок.

Е.А. Русскевич, профессор кафедры уголовного права МГЮУ им. О.Е. Кутафина, д-р юрид. наук, посвятил свой доклад актуальной проблеме преступлений в сфере компьютерной информации, которые являются основой всей цифровой преступности. Он выделил признаки охраняемой законом компьютерной информации как предмета неправомерного доступа: а) информация представлена в цифровой форме независимо от устройства хранения, обработки и (или) передачи; б) информация имеет законный характер, то есть не противоречит правовым предписаниям и не создает угрозу для охраняемых законом интересов личности,

общества либо государства; в) информация защищена (закрыта любым способом) ее обладателем от неправомерного копирования, модификации, блокирования либо уничтожения. Однако в правоприменительной практике сохраняется расширительное толкование, согласно которому неправомерность доступа фактически определяется неправомерностью последующих действий, связанных с копированием, модификацией, блокированием либо уничтожением информации. При этом сам доступ осуществляется работником организации легально. По мнению докладчика, преступным (ст. 272 УК РФ) может быть признано только сочетание неправомерного доступа и последующих за этим же неправомерных копирования, блокирования, модификации либо уничтожения данных.

Автор также указал, что по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации является характерным, что лица взаимодействуют между собой исключительно в цифровом пространстве, зачастую находясь друг от друга на расстоянии нескольких сотен или даже тысяч километров. При этом участники таких преступных объединений, как правило, не знают друг друга, никогда не встречались в офлайн и не планируют этого делать, тщательно скрывая сведения о себе. На квалификацию содеянного такая форма коммуникации соисполнителей значения не оказывает. Однако это весьма существенно затрудняет процесс раскрытия и расследования компьютерных преступлений.

Е.В. Бурдина, зав. кафедрой Российского государственного университета правосудия, д-р юрид. наук, в своем докладе отметила, что конституционно-правовая модель организации отечественной судебной власти имеют ключевое ценностное начало — справедливость. Именно этот принцип определяет все нововведения в организации кассационного судопроизводства: экстерриториальность, сплошную кассацию, организационную самостоятельность инстанций. Одновременно судебная реформа 2018 года открыла новые возможности доступа граждан к правосудию, а в результате ускорения цифровой трансформации, обусловленного ковидной пандемией, отечественная судебная система стремительно продвинулась в развитии новых форм организации судебной деятельности, связанных с дистанционным доступом граждан к суду. В настоящее время цифровые технологии охватывают всю траекторию движения судебного дела, включая его прохождение через кассационную инстанцию. Однако справедливости правосудия, несмотря на внедрение прогрессивных форм судопроизводства, неизменно предполагает сохранение фундаментальных этических основ принятия справедливого решения: закона и совести.

О.А. Карцевская, председатель судебного состава Второго кассационного суда общей юрисдикции, проанализировала достоинства и недостатки коллегиального и единоличного начал в организации правосудия. К достоинствам единоличного рассмотрения дела она отнесла следующее: 1) тщательный подход к толкованию и применению правовых норм вследствие «неразделенной» ответственности; 2) оперативность; 3) относительную экономичность; 4) техническую простоту, отсутствие привязки к кворуму. Среди плюсов коллегиального рассмотрения дел выделены такие характеристики, как: 1) суммирование интеллектуального потенциала и опыта входящих в коллегия судей; 2) минимизация коррупционных рисков; 3) создание дополнительных гарантий участникам процесса. Сильная сторона одного принципа, как правило, является недостатком другого. Производство в кассационных судах общей юрисдикции претерпело изменения уже в ходе их функционирования.

В частности, для преодоления избыточной нагрузки на судей был широко внедрен принцип единоличного рассмотрения кассационных жалоб и представлений по уголовным делам. Поэтому соотношение приведенных принципов не является догмой, а может быть скорректировано с учетом задач эффективности правосудия.

М.Н. Урда, доцент Юго-Западного государственного университета, канд. юрид. наук, обратила внимание на актуальную проблему противодействия незаконной миграции, которое она трактует как инструмент миграционного контроля, осуществляемый в целях обеспечения безопасности принимающего государства. В структуре миграционного контроля автор выделяет два элемента: 1) административный механизм установления и поддержания правопорядка в миграционной сфере (правила въезда на территорию Российской Федерации, пребывания, транзитного проезда и др.) и контроль за его соблюдением посредством установления административной ответственности; 2) уголовно-правовое противодействие нарушению миграционного режима (ст. 322, 322¹, 322², 322³ УК РФ). Докладчик подчеркнула, что игнорирование межотраслевых особенностей нормативного механизма противодействия незаконной миграции и бессистемное нормотворчество крайне отрицательно отражаются на миграционном контроле. Это препятствует упорядочению отношений в миграционной сфере, более того, является мощным коррупциогенным фактором, создающим предпосылки для произвольного принятия решений. Допускаемые судебные ошибки также препятствуют эффективному противодействию нелегальной миграции, поэтому исправление этих ошибок судом кассационной инстанции, безусловно, способствует восстановлению законности в рассматриваемой сфере общественных отношений.

И.Б. Лагутин, зав. кафедрой Юго-Западного государственного университета, д-р юрид. наук, проф., в докладе на тему «*Судопроизводство в Российской Федерации в условиях современных вызовов*» рассказал об особенностях осуществления правосудия в Курской области, часть которой в августе 2024 г. подверглась нападению со стороны вооруженных сил Украины. В настоящее время судам приходится разрешать принципиально новые вопросы применения норм административного, гражданского права. Несмотря на боевые действия, которые продолжаются в отдельных районах области, осуществление правосудия здесь не прекращается, районные суды продолжают функционировать, дислоцируясь в областном центре.

О.А. Мяззлец, председатель судебного состава Второго кассационного суда общей юрисдикции, канд. юрид. наук, посвятила свое выступление Году семьи. Она отметила, что в уголовном законе должного внимания данным правоотношениям не уделяется. Так, преступления, совершенные внутри семьи, связанные с домашним насилием, квалифицируются как преступления, совершенные против личности. Каждое четвертое умышленное убийство является внутрисемейным. Как правило, насилие применяется по нарастающей, от легкого к тяжкому. Официальные данные о количестве «семейных» преступлений не дают полного представления об их распространенности, так как значительная часть преступлений, совершенных на семейно-бытовой почве, являются латентными, жертвы по разным причинам не сообщают в правоохранительные органы о фактах применения в отношении них насилия. И даже после постановления обвинительных приговоров лица, осужденные по фактам применения домашнего насилия к наказанию, как правило, не связанному с лишением свободы,

возобновляют свое поведение: снова начинают преследовать, угрожать потерпевшим, тем самым в отсутствие ответствующих запретов, действовавших в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела в суде, продолжают оказывать психологическое воздействие в отношении потерпевших. Автор сожалеет, что законодательные работы в области противодействия домашнему насилию сейчас приостановлены.

Следует отметить, что Вторым кассационным судом общей юрисдикции принято несколько принципиальных решений по делам о семейном насилии. Они получили широкий отклик в средствах массовой информации.

Тему семейных отношений развил **К.В. Кичик, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук,** в докладе на тему «*Защита прав отцов в судах общей юрисдикции*». Он предложил подискутировать по одному из наиболее острых вопросов, возникающих в сфере правоприменения по семейным спорам, — о фактической реализации установленного судом порядка общения родителя с ребенком (т.е. об исполнении решения суда по этой категории дел). Статистика и общая практика рассмотрения дел, касающихся места жительства детей и определения порядка общения с ребенком, свидетельствуют о почти полной бесперспективности соответствующего судебного разбирательства для отцов. Даже, если суды утверждают предлагаемый отцами порядок общения с ребенком, матери уклоняются от исполнения решения суда. При этом привлечь мать ребенка, уклоняющуюся от исполнения решения суда, к какой-либо юридической ответственности практически невозможно.

К.В. Кичик отметил, что если ребенок растет без отца, велика вероятность формирования личности мальчика без соответствующей «мужской» составляющей характера. Свои проблемы есть и у девочек, растущих без отца или матери. Негативные факторы, влияющие на детей, растущих в неполных семьях, очевидны. Государство должно делать все, чтобы таких ситуаций было как можно меньше. Однако действующая нормативная база и правоприменительная практика, по мнению докладчика, не способствуют надлежащему решению указанной задачи.

Большой интерес у аудитории вызвал доклад **В.В. Богдан, зав. кафедрой гражданского права Юго-Западного государственного университета, д-ра юрид. наук,** на тему «*Юридически значимые сообщения и язык идеограмм: status quo и судебная практика*». Автор акцентировала внимание на специфике правовой коммуникации с использованием языка смайлов и идеограмм, придя к выводу, что появление смешанных юридических текстов в правовой переписке приводит к необходимости ее специальной контекстной оценки и усложнению ее исследования в качестве доказательства по гражданскому делу. Эмодзи, смайлы и другие знаки активно используются в обычных электронных сообщениях. Традиции бытового общения определяют значение конкретных эмодзи и/или смайлов: они применяются в соответствии с обычаями и их устоявшимся восприятием. Однако при переходе в плоскость юридической коммуникации столь свободное использование знаков ставится под сомнение.

Обеспечение ясности правовой коммуникации имеет решающее значение для предотвращения споров. По мнению докладчика, вполне вероятная проблема установления воли, формы ее выражения в рамках обмена юридически значимыми сообщениями с использованием смешанных юридических текстов субъектами предпринимательских отношений будет устраняться двумя путями: договорным (что в сложившихся условиях является предпочтительным)

и судебным. Что касается потребительских правоотношений, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, процедура адаптации использования эмодзи/смайлов в юридической переписке будет более проблематичной.

Интересный практический доклад представила **В.Н. Коженок, начальник отдела экспертиз наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ ЭКЦ УМВД России по г. Москве**. Она отметила, что с 2016 г. происходит трансформация российского нелегального наркорынка в сторону вытеснения наркотиков растительного происхождения синтетическими (для сравнения: удельный вес синтетических наркотических средств в 2016 г. составлял 17.8%, а в 2023 г. — 50.1% от общего количества изъятых наркотических средств). Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в большей части совершаются в составе организованных групп. Одним из источников доказательств в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел данной категории являются результаты физико-химической экспертизы по установлению единого источника происхождения наркотических средств или психотропных веществ, изъятых у нескольких фигурантов. Аналитические (стандартные) образцы соответствующих наркотических средств и психотропных веществ используются на одной из стадий указанного исследования. Аналитические образцы также необходимы для калибровки аналитических приборов, установления количественного содержания наркотического средства в смеси и использования в качестве образцов сравнения.

Практики сталкиваются с необходимостью разработки новых видов аналитических образцов, так как их существующее количество не обеспечивает потребности производства судебной экспертизы психоактивных веществ, без которого невозможно не только расследование уголовных дел указанной категории, но даже их возбуждение. Решению проблемы могли бы способствовать изменения в законодательстве, расширяющие возможности государственных экспертных организаций по созданию собственных «импортозамещенных» аналитических образцов. В разработке и обсуждении проектов таких нормативных изменений активно участвуют суды общей юрисдикции.

Д.А. Белова, доцент МГЮУ им. О.Е. Кутафина, канд. юрид. наук, посвятила свой доклад проблеме компенсации морального вреда. Она отметила, что некоторые объекты имущественных прав настолько тесно связаны с личностью правообладателя, что последний имеет в них не только имущественный, но и неимущественный интерес. Представляется возможным говорить об объективизации в таких объектах нематериальных благ личности. Повреждение такого объекта влечет не только нарушение имущественного права, но и посягательство на нематериальное благо, объективированное в нем. Возмещение утраченной стоимости вследствие гибели или повреждения такого объекта не приводит к восстановлению положения, существовавшего до нарушения права, поэтому влечет применение такого способа защиты, как компенсация морального вреда. На основе анализа судебной практики она предприняла попытку определения круга таких объектов. Их общим свойством является одновременное нарушение имущественного и личного неимущественного права (например, хищение ноутбука с хранящимися в них сведениями личного характера, инвалидной коляски, обручального кольца, религиозной атрибутики и т.д.). Актуальная кассационная практика

свидетельствует, что суды стали активнее защищать правообладателей от подобных «двойных» посягательств.

Е.В. Кремнева, старший научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры РФ, указала еще на один положительный момент создания кассационных судов общей юрисдикции: более высокая квалификация и продолжительный стаж работы. Именно это позволило за короткий срок организовать эффективную работу этих судов по исправлению ошибок в применении норм материального и процессуального права, несмотря на колоссальную и постоянно растущую нагрузку. Докладчик также обратила внимание на обязанность прокурора по принесению представления на незаконное или необоснованное судебное постановление вне зависимости от личного присутствия в процессе, на важность постоянного с его стороны мониторинга дел, находящихся в производстве суда и подлежащих рассмотрению с обязательным участием прокурора (поскольку в практике не исключены случаи, когда прокурор надлежаще не извещается), мониторинга решений, вынесенных в окончательной форме.

Е.А. Моргунова, доцент МГЮУ им. О.Е. Кутафина, канд. юрид. наук, в своем докладе проанализировала дела о нарушении авторских прав. По ее мнению, необходимым условием вынесения судебного решения как акта правосудия является понимание судьей природы и социального назначения правового института, опосредующего общественные отношения, являющиеся предметом спора. В основе института авторского права в странах континентальной системы права лежит теория личности, что предопределяет неимущественный характер прав на произведение и социальное содержание имущественных прав, принадлежащих автору. Произведение имеет важное культурное значение, в силу чего любое лицо должно иметь возможность обратиться в суд за защитой авторства, имени автора и неприкосновенности произведения. Докладчик считает, что авторские правоотношения отнесены к гражданско-правовым отношениям условно — в силу того, что для данных отношений применим метод гражданско-правового регулирования, который был разработан для товарно-денежных отношений. Однако произведение, прежде всего, является культурной ценностью, через него человек наглядным образом познает мир людей, чувствует их боль, страдания, радость и счастье, знакомится с опытом человеческой чувственной деятельности. В произведении чувственным образом раскрываются духовно-нравственные ценности общества. Произведение способно формировать человека как личность, формировать духовное достоинство, дарить любовь и гармонию, придавать человечность человеку. Произведение имеет большое эстетическое значение, приобщая слушателей к миру прекрасного и тем самым способствуя формированию гармоничной личности. Понимание этой сущности авторских прав является гарантией вынесения законного и обоснованного судебного решения.

И.З. Аюшеева, доцент МГЮУ им. О.Е. Кутафина, канд. юрид. наук, развила тему, поднятую в «установочном» докладе С.В. Кабышева, применительно к гражданскому праву. Справедливость здесь позволяет выработать критерии, влияющие на оценку конкретных актов субъектов гражданских правоотношений, определить последствия нарушения права, найти общие подходы к оценке поведения сторон с учетом социализации гражданского права, но в то же время учесть индивидуальные особенности и фактические обстоятельства каждого дела. С одной стороны, справедливость является универсальной категорией, с другой — именно справедливость позволяет учитывать специфику

каждого конкретного акта, не допуская ограничения только позитивистским пониманием права при разрешении конкретных споров. В судебной практике критерий справедливости договорных условий учитывается, например, при определении пределов договорной свободы. В частности, для признания договорных условий несправедливыми применяются как процедурные критерии (необходимость учета опыта и особых характеристик сторон договора, оценку переговорных возможностей, определение того, были ли они равными для обеих сторон, была ли возможность заключить договор с иными лицами и т.п.), так и материальные критерии (насколько оспариваемые условия являются обременительными для контрагента, каким образом они нарушают баланс интересов сторон).

Заключительный доклад конференции на тему «*Примирительные процедуры — новый «старый» вектор разрешения гражданских споров*» сделала **Ф.Р. Конова**, доцент МГЮУ им. О.Е. Кутафина, канд. юрид. наук. По ее мнению, главным приоритетным направлением современного Российского государства является совершенствование существующих механизмов урегулирования споров и защиты нарушенных прав и законных интересов участников гражданского оборота. Для достижения данной цели крайне актуальным является внедрение примирительных процедур в систему механизмов защиты прав и законных интересов граждан. Стремление к урегулированию спора мирным путем — тенденция общеправового развития во всем мире. В настоящее время примирительные процедуры не только

проводятся вне залов суда, но и используются судьями, иногда требуя от последних непосредственного участия в них. В зависимости от волеизъявления заинтересованных лиц процессуальное законодательство предусматривает разные модели примирения сторон гражданско-процессуальных правоотношений: судебное примирение, медиация и переговоры. В цивилистическом процессе, основанном на диспозитивности, весьма значимым является восстановление нарушенных прав на взаимовыгодных условиях с целью сохранения партнерских отношений между сторонами. В этой связи докладчик приветствовала инициативы Верховного Суда РФ придать обязательный характер процедуре судебного примирения по делам о разделе совместно нажитого имущества, трудовым спорам и в сфере антимонопольного и таможенного законодательства.

* * *

Завершая пленарное заседание конференции, **Е.В. Чуманов**, заместитель председателя Второго кассационного суда общей юрисдикции, канд. юрид. наук, отметил высокий научный уровень всех докладов, их практическую значимость, полезность непосредственного общения судей и научных работников, преподавателей юридических вузов и факультетов. Он выразил уверенность, что такие мероприятия способствуют укреплению законности, повышению эффективности работы судебной системы, притоку в судебную систему квалифицированных кадров.

Сведения об авторе

МАТЕЙКОВИЧ Максим Станиславович — доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Второго кассационного суда общей юрисдикции; 121357 г. Москва, ул. Верейская, д. 29, стр. 34; заведующий базовой кафедрой правосудия Тюменского государственного университета; 625003 Тюменская область, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10

Authors' information

MATEYKOVICH Maksim S. — Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of the Second Cassation Court of General Jurisdiction; 29, bld. 34 Vereiskaya str., 121357 Moscow, Russia; Head of the Basic Department of Justice, Tyumen State University; 10 Semakov str., 625003 Tyumen Region, Tyumen, Russia